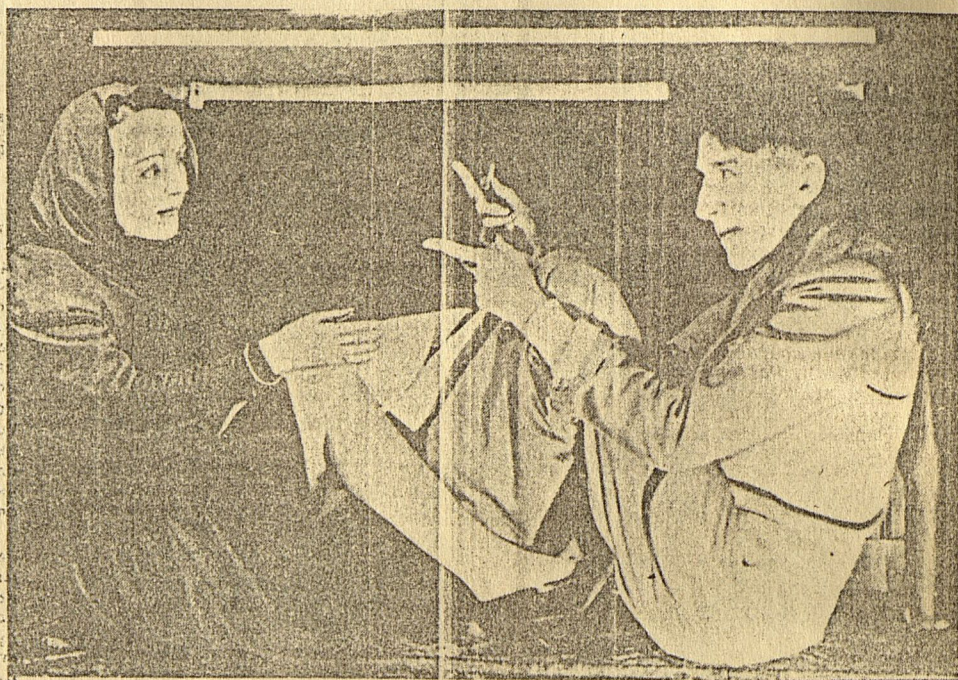

ПРИНЦ ПОЭТОВ

В середине 50-х годов Жан Кокто сказал своему другу, редактору журнала «Пари-матч»: «Всегда вы даете на обложке фотографии «звезд» мюзик-холла или кино, а писателей — никогда. Кажется, я знаю, что я должен сделать, чтобы удостоиться этой чести, — умереть...». В 1955 году его писательское тщеславие было удовлетворено в первый раз. Второй раз — увил — его лицо вместе с лицом Эдит Пиаф оказалось на обложке журнала в октябре 1963 года — в тот самый месяц, когда оба ушли из жизни.

Поэт начал знакомиться с королевой певиц в 1937 году, когда Эдит Гассон стала мадемуазель Пиаф. Она уже завоевала успех, спев много ставших знаменитыми песен, в том числе «Юноша танцует». Он слышал ее в «Бобино», в «Амбигу», и потом он написал о Пиаф: «Взгляните на эту кошачью женщину, чьи руки подобны ящерицам в развалинах, взгляните на ее бонапар-

товский лоб и глаза слепой, которая только вчера прозрела».

Они встретились 14 февраля 1940 года на обеде у музыкального издателя Рауля Бретона — певица с живыми, подобными ящерицам руками и волшебник с пальцами птице-лова. И некоторое время спустя Кокто предложил ей сыграть в своей новой пьесе вместе с актером Полем Мёриссом — Пиаф была хорошо с ним знакома. «Бедная комнатка отеля, в окно видны освещенные уличные рекламы магазинчиков. Диван-кровать. Граммофон. Телефон. Маленькая артистическая уборная. И множество афиш...». Интерьер современной трагедии. Здесь разворачивается история разрыва влюбленных друг в друга ревнивой женщины и великолепного жиголо. В апреле 1940 года пьеса была сыграна в Театре Буфф-Паризьен вместе с другой драмой Кокто — «Священными чудовищами». Успех был огромным. Однако

это не помешало Полю Мёриссу заметить позже: «Пиаф всегда была очень плохой актрисой. Она прекрасно умела петь, а играла очень плохо... Что ж, де Голль тоже не умел петь. Зато он прекрасно пел «Марсельезу». Роль в спектакле по пьесе Кокто — это была «Марсельеза» Эдит Пиаф».

Интонацию Мёрисса, впрочем, нетрудно объяснить — он был героем одного из многочисленных романов Эдит Пиаф. История их отношений не имеет прямой связи с судьбой отношений Пиаф и Кокто — скажем только, что во время оккупации Франции Пиаф ухаживала за заболевшим Мёриссом, а затем они вместе пересекли демаркационную линию, чтобы вернуться в Париж... И потом вместе еще раз снялись в фильме «Монмартр на Сене», следы во французском кино почти не оставившем — за исключением того трепетного отношения, какое вызывает все, к чему прикасался талант «малютки

НОСТАЛЬГИЯ

«Толпа несет меня. И вот близкое, дорогое мне лицо, я смотрю на него — так коротко, и кричу от нежности, и проклинаю толпу, которая отнимает у меня человека, такого близкого мне...».

В пятницу 11 октября 1963 года газета «Франс-суар» вышла в свет с двумя траурными рамками на первой странице. Для обретшей благополучие спустя почти двадцать лет после окончания второй мировой войны Франции наступала пора проводов живых легенд, родившихся в начале века, «Эдит Пиаф и Жан Кокто умерли в один день с перерывом в 5 часов». На газетной полосе этот трагический заголовок соседствовал с репортажем о событиях в Алжире...

Эдит Пиаф — певица с биографией, которая сама могла бы послужить основой трагической и жизнеутверждающей народной песни. Живой и озорной, легкомысленный и глубоко философский дух французского народа присутствовал в каждой ее песне, позволил ей стать любимицей французов, единственной королевой, чье королевство — целая Франция. Она была уличной певицей, каких во Франции великое множество, и — одной-единственной на весь мир. Ее песни слышали Монмартр и дешевые бистро на площади Пигаль. Ее любили простые парижане — рабочие в блузах, нищие студенты, художники. Жан Кокто еще в молодости удостоился титула «Орфей салонов». Его искусство отличалось изысканной утонченностью. Поэт, романист, эссеист, кинорежиссер, снявший свой первый фильм «Иррационализм» еще в зрелом возрасте и начавший им трилогию о судьбе художника в XX веке, завершившую в начале 60-х, перед самой смертью — в фильме «Завещание Орфея», Кокто в самом деле имел право сказать о себе: «Начиная с пятилетнего возраста, я не останавливался ни на минуту». С самого начала трагический отсвет был брошен на его жизнь — отец покончил с собой. Но, несмотря на это, у Кокто были счастливое детство и завидная творческая судьба — успехи, учения, признание во всей Европе...

Впервые жизнь свела их в 30-е годы, когда Пиаф спела песню на слова Жана Кокто. С тех пор их связывала дружба — не бурная, но очень близкая, ведь они были такими разными художниками, и каждый шел своим уникальным путем. Но твердая, постоянная и нежная. Историю этой дружбы до последнего дня, оказавшегося таковым для обоих, рассказывает на своих страницах парижский еженедельник «Пари-матч».

Пиаф... И на этом фильме их любовь закончилась.

Пришла другая — Анри Конте, в сотрудничестве с которым были созданы ее другие шедевры: «Браво, клоун!», «Падам, падам», «Старое пианино». Это была настоящая, триумфальная слава. И в это время возникает кружок творческих работников, в котором снова появляется Жан Кокто, а вместе с ним — весь тогдашний «цвет» французского театра и эстрады: Ремю, Мистенгет, Морис Шевалье. В этом обществе проявляется и молодой, блестящий талант будущий «Орфей», капитана Фракасса и д'Артаньяна французского кино — Жана Марэ. Хозяйкой салона была дама по имени «прекрасная блондинка Библи», или мадам Жослен — у нее-то и квартировала Пиаф.

«При виде Эдит, — вспоминала позже Библи, — взгляд Кокто выражал необыкновенную нежность. Он исполнял все ее прихоти, делал абсо-

лютно все, что она хотела. Она же, которую я нередко видела без артистического грима, в самом дурном настроении, при виде Кокто становилась такой же прекрасной, как тогда, когда пела на сцене.

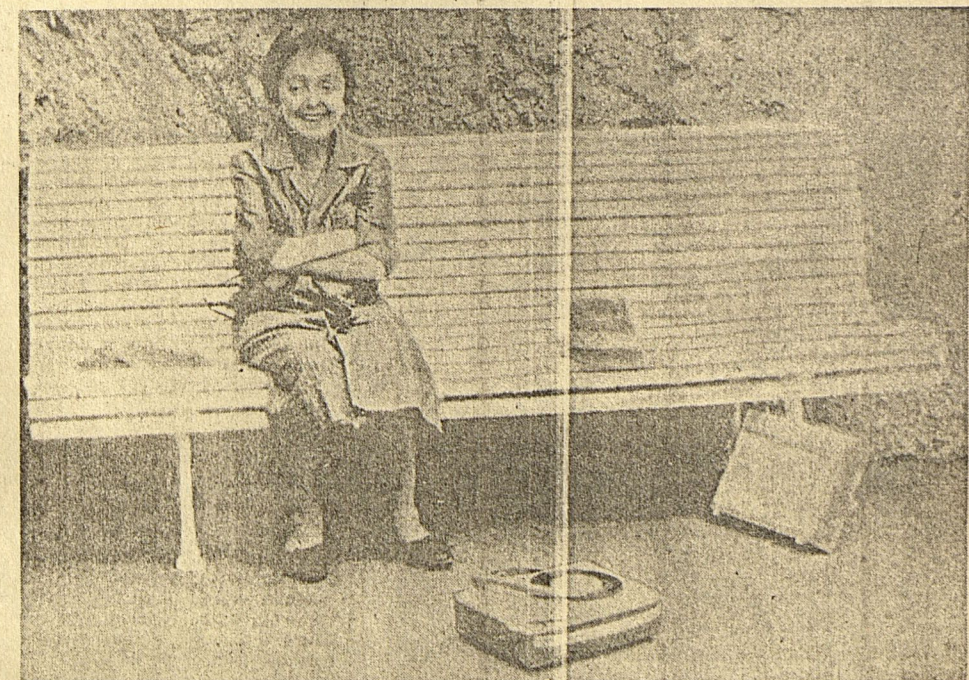
Это был конец 40-х. С этих лет до самого конца — нежнейшая дружба, телефонные звонки, переписка. Письма сохранялись.

«Дорогой мой Жан,

Что за радость читать и перечитывать твои письма! Я знаю, как много людей любят тебя, но если бы ты знал, если бы ты мог знать, как я люблю тебя, несмотря на наши столь редкие встречи. Как смешно, не правда ли, что, каждый раз, как я вижу тебя, я хочу защитить тебя от всего зла этого мира и чувствую, что именно ты придаешь мне силы и смелости работать в такой жестокой жизни...».

«Моя Эдит,

Слышай твои песни и думать о сокровищнице твоего сердца. Когда я заканчивал

И КОРОЛЕВА ПЕВИЦ

кругосветное путешествие вместе с Чарльзом Чаплином, я вдруг из своей каюты услышал твой голос по радио. Я вышел, и этот потрясающий всех голос заполнил ночную палубу, и Чаплин вышел взглянуть на эту тайну.

Лучшие сувениры моей памяти — это великое чудо твоих песен и Чаплин. Все остальное — пыль, которая летит в глаза...».

«Не правда ли, Жан, как чудесно любить кого-то только ради него самого, не нуждаясь в том, чтобы видеть его, просто зная, что прекрасно само по себе то, что он живет на свете...».

10 апреля 1963 года Эдит Пиаф ложится в клинику. Диагноз — бронхит. Врачи предписывают ей климат более мягкий, и она перебирается на юг. Но болезнь не отпускает, напротив, развивается с устрашающей силой. 20 мая — гепатическая кома. Пиаф удается воскресить. Следующая кома — месяц спустя. Эти страшные

месяцы певица живет между впадением в кому и недолгим временным возвращением сознания. Наконец, последняя кома — 10 октября, четверг. «Я взял ее за руки, попытался говорить с ней как с ребенком, — вспоминал ее аккордеонист Даниэль Бонель. — Она не слышала меня. Она ушла тихонько, без шума, без слов».

В пятницу 11 октября Жан Кокто завтракал со своим приемным сыном Эдуардом Дерми — Кокто называл его «Дуду» — в своей парижской квартире. Когда знакомый журналист из «Пари-матч» позвонил сообщить о кончине Пиаф, Кокто не был удивлен. Он знал, что она доживает последние дни. «Он сказал журналисту, — рассказывал Дуду, — «Навестите меня сегодня, я напишу о ней несколько строк для вашего журнала». Задумавшись, он повесил трубку и сказал, что поднимется наверх, чтобы привести себя в порядок, и вдруг совершенно неожиданно упал в большое

кресло в гостиной, схватившись за грудь. Это был инфаркт. Он попросил позвать врача. Я донес Жана до постели, и он шепнул мне: «Попросите сделать мне укол морфия...» Врач сделал анализ крови — кровь была почти черная. И я понял, что Жан умирает. Он смотрел поверх нас, и я понял, что он уже не здесь. Он ушел, словно вода меж пальцев...».

Так Принц поэтов и Королева шансона ушли вместе в рай для тех, чьи имена никогда не будут забыты. Даниэль Бонель сказал о них: «Вместе, в сумерках, они ушли в небо, освещая своим сиянием звезды».

Материал подготовил
Д. САВОСИН.

● Пиаф и Кокто. Начало 30-х. Первые встречи.

● Пиаф в тайном убежище — больничном саду — слушает записи своих песен. Фото из журнала «Пари-матч».